

Timothy Morton
Humankind: Solidarity
with non-human people.
Verso Books, 2017, 224 p.
ISBN 9781786631336

Александр Авагян

Магистрант,

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

ул. Шпалерная д. 1

E-mail: aawagjan@eu.spb.ru

Если не танцевать, можно
что-то заметить

Он еще не бухой,

Он пока не бунтует,

Он пока что только танцует.

Душняк, «Пацык танцует»

За последнее десятилетие Тимоти Мортон издал пять книг, в которых он предложил взгляд на экологический кризис с точки зрения объектно-ориентированной философии (ООФ). Еще в 2010 году в книге «Экологическая мысль» (Morton 2010) он начинает отходить от своего поля исследований, английской романтической литературы, в сторону философии. В книгах последних лет он часто повторяется и пересказывает самого себя без ссылок, что, с одной стороны, осложняет задачу, так как из-за этой осо-

бенности развернутые доказательства приведенного им тезиса придется искать в другом тексте, а с другой стороны, приводит к тому, что замечания об одной книге становятся реакцией сразу на несколько других. Недавно книги Мортон стали переводить на русский. Переведены, в частности, «Гиперобъекты: философия и экология после конца мира» и «Стать экологичным» (Мортон 2019а и 2019б), однако рецензировать я буду не их, а опубликованную по-английски работу «Человеческий род: солидарность с не-людскими народами», поскольку, во-первых, основные постулаты упомянутых переводов представлены в «Человеческом роде», а во-вторых, в этой книге Мортон высказывает ряд соображений по переосмыслению некоторых тезисов левой теории и уточняет свое отношение к марксизму и анархизму. Критические замечания по поводу онтологии Мортон и его обращения с наукой высказывались уже до меня, я же уточню политические и социальные импликации его онтологии.

Джейн Беннетт указывала, что одно из основных положений ООФ, согласно которому большее значение придается самим объектам, а не отношениям между ними (сетям, системам, ассамбляжам и так далее), является выбором дотеоретическим и бесосновным (Bennett 2015: 229–230). В случае с Мртоном это положение особенно важно, так как его основной политический проект, настройка на ритмы экологических сущностей, невозможна помимо подобных отношений, а его основной вклад в ООФ, понятие гиперобъекта (это такой объект, который существует в огромных пространственно-временных масштабах, он никогда не предстает непосредственно, а только через другие дискретные во времени и отдаленные в пространстве явления), оказывается необходимым как раз из-за отказа от включения в онтологию ООФ отношений между объектами и образуемых ими систем. Другой исследователь, Натан Браун, указывает, что утверждение Хармана о том, что реляционные теории не могут помыслить изменения, даже если бы оно было бы верным, не является бы достаточным для доказательства тезиса об ускользании/изъятости (*withdrawal*) объектов. Те же проблемы сохраняются и у Мортон, но они усиливаются тем, что Мортон редко вдает в хоть сколько-то серьезный анализ авторов и теорий, с которыми он в диалоге:¹ это верно как для его рассуждений

---

¹ На это указывает уже Маргарет Мик Ланге по отношению к «Экологической мысли»: Мортон «стремится избежать элитарности и пишет для широкой аудитории, (...) но нехватка развернутого обсуждения [теоретических вопросов] замутняет его положения, а не проясняет их», а его тон «порой представляется скорее снисходительным» (Lange 2012: 379).

о теории относительности, квантовой теории и Бертроне Расселе в его старых книгах,² так и для «Человеческого рода», где кроме недостаточного разбора идей Гегеля и Маркса (а последний является тем философом, которого Мортон собирается дополнять) можно встретиться со случаями, когда авторы лишь упоминаются и тут же списываются со счетов одной колкой фразой, смысл которой остается неясен, как это происходит, например, с Жан-Люком Нанси (19).

***

«Человеческий род» является основанием возможности политики гиперобъектов и изложением политической программы, основанной на положениях ООФ. Главная задача этого текста заключается в переосмыслении коммунизма и создании новой теории солидарности, для чего здесь предлагается переопределить, «что значит иметь что-то общее» (12–13), а также избавить марксизм от антропоцентризма, что, по его мнению, возможно, так как Маркс «только одной ногой в антропоцентризме» (42), поскольку некоторые его категории, например, производство, не ограничиваются человеком и включают нечеловеческое (61). Этот проект должен обновить левую мысль, позволить ей оперировать на глобальном уровне и не оставлять нарративы планетарного масштаба на откуп глобальным корпорациям (124). Новый коммунизм должен быть межвидовым, основанным на жизни в биосфере или, в терминах этой книги, в симбиотическом реальном.³

Симбиотическое реальное — это весь тот массив живых и неживых сущностей, которые (взаимо)необходимы для поддержания существования друг друга. Один из близких примеров — то огромное количество микроорганизмов, живущих в человеческом теле, без которых, например, невозможно пищеварение. Все они существуют вне зависимости от человеческого мышления или другой психической активности» и сами не знают о его существовании (18). Это безразличие и станет основанием для теории солидарности. Симбиотическое реальное призвано для решения одной из частых задач политической экологии: преодоления мышления в рамках бинарной оппозиции Природа/Культура (или Природа/Общество). Эта оппозиция представля-

² См.: Brown 2013, где показывается, что ООФ, основываясь исключительно на своих амбициях, а не на знании конкретных теорий, стремится диктовать физике, что верно, а что нет; ряд замечаний об оппортунистском отношении к данным физики делает и Питер Вольфендейл (Wolfendale 2014: 377–379).

³ Из текста не восстанавливается, как это понятие соотносится с реальным у Лакана или с реальностью, описываемой науками.

ется в двух фигурах, которые используются по ходу книги почти взаимозаменяемо: она предстает как Разрыв, который отделяет людей от природы, и как агрилогистика, то есть отношения эксплуатации с Природой, которая предполагается внешней человеку; с этими фигурами связан холизм в мышлении, который предполагает, что целое больше суммы его частей (20–22, об этом я еще скажу отдельно в связи с гиперобъектами). Появление этих структур Мортон относит к неолитической революции (в случае Разрыва) и первым государствам в Древнем Египте и Месопотамии (в случае агрилогистики). По большому счету эти мыслительные и онтологические модели просто постулируются, свидетельства их существования автору не нужны, а исторические их формы незначимы. Тем не менее можно найти свидетельства не только того, что разделение на природу и культуру присутствует не везде у земледельческих народов, но еще и того, что в некоторой форме оно есть у не перешедших к земледелию народов. Кроме того, прямое отождествление разделения, которое проводится народами Ближнего Востока с тем, которое существует в западной культуре, сомнительно. Так как Мортон обвиняет его во всех грехах от фашизма до экологического кризиса, такой важный пункт в аргументации кажется неуместным оставлять недоказанным, рассчитывая на его правдоподобие.⁴

***

Поскольку этот текст работает с марксистской мыслью, несколько страниц выделены для разбора того, как точно определить отношение Маркса к не-людям. Ответ, который дает Мортон, представляется точным: Маркс не помыслил не-людей и не учел их в своих работах (27–30). Более того, широко известны те места, в которых антропоцентризм Маркса очевиден. Тем не менее можно усомниться в правомерности самой постановки вопроса в таких терминах. Маркс действительно не писал о положении не-людей, но можно найти определенные указания на направление разрешения вопроса об их положении в рамках материализма Маркса, которые Мортоном совершенно не учитываются, так как они отбрасываются как задействующие метафизическое понятие природы. Направление мысли Маркса в этом вопросе ясно, например, по «Критике Готской программы», где о природе говорится, что она «в той же мере источник потребительных стоимостей <...>, что и труд, который сам есть

⁴ Существует ряд исследований, конкретизирующих бинарную оппозицию, о которой идет речь, дающих ее генезис или описывающих конкретные ее варианты. Я здесь опирался на текст Дескола 2012 (в особенности: 51–125).

лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы» (Маркс 1951: 8). Разворачиваться эта мысль, скорее всего, стала бы в сторону описания взаимодействия различных человеческих и вне-человеческих сил: того, как конкретные географические условия определяют положение данного общества и как конкретные общества адаптируются к ним и преобразуют свою окружающую среду.⁵

Отказывать книге в актуальности из-за отклонения от марксистской ортодоксии, особенно, как в этом случае, отчасти лишь предполагаемой, было бы тем не менее неуместно. Причины, по которым Мортон обращается к Марксу, можно обнаружить в ООФ. Одна из них в понятии родовой сущности, которая есть в равной степени как у животных, так и у людей. В этом смысле Маркс не выделяет людей среди других животных, то есть одной ногой он уже вышел из антропоцентризма.⁶ Другая причина в том, что само понятие рода (точнее говоря, вида; здесь из-за особенностей русского перевода совпадают два различных биологических термина, соответствующих английскому *species* в *species-being*) позволяет говорить о сущностях, которые попадают в категорию гиперобъектов.

Гиперобъекты задаются как такие объекты, временные и пространственные координаты которых значительно превышают человеческую способность восприятия. Этот разрыв в масштабах непременно ведет к тому, что объекты при взаимодействии с гиперобъектами окажутся в подчиненном положении, первые не смогут воздействовать на последних. Разрешение этой безвыходной ситуации находится в том, что онтологически все равны, то есть, несмотря на размеры гиперобъектов, онтологически они оседают до единицы,⁷ что должно быть основанием для возмож-

⁵ Как указывает Михаэль Хайнрих, Маркс только к концу жизни подошел к осмыслению экологических вопросов и не успел написать об этом полноценную работу (Хайнрих 2020: 41–42; попытку воплощения такого проекта см., например, в: Моог 2015. В связи с новым изданием сочинений Маркса и Энгельса (*Marx-Engels Gesamtausgabe, MEGA*), в котором опубликованы поздние рукописи Маркса, где все эти вопросы обсуждаются подробнее, появился ряд текстов, направленных на прояснение мысли позднего Маркса об экологии, среди которых одни из важнейших принадлежат Кохею Сайто (см.: Saito 2014).

⁶ Остается же он антропоцентристом из-за того, что, во-первых, верит в существование инстанции, определяющей значимость и степень существования всех сущностей, а во-вторых, считает такой инстанцией экономику, то есть обмен между людьми (61). То, что Маркс знает, что обмен между людьми возможен только после предварительного обмена между людьми и окружающей средой, Мортоном игнорируется.

⁷ Мортон использует понятие *Subscedence*, которое получается при замене приставки транс- в трансценденции на суб-, которая призвана обозначать, что

ности избежать воздействия гиперобъекта или вырваться из него.⁸ Тем не менее на гиперобъекты воздействовать могут только гиперобъекты, и действия эти имеют специфический характер (нельзя сказать, что они имеют определенное направление или что существует определяющая это действие инстанция). Это позволяет разрешить парадокс, заключающийся в том, что действия конкретного человека являются причиной экологического кризиса, но статистически они незначимы. Действия объекта не имеют значения, но так как часть его входит в гиперобъект, будучи многократно увеличенным в масштабе человечества, это действие станет способно влиять на такой гиперобъект, как климат.

Все эти ходы с созданием иерархии объектов и гиперобъектов, с последующим поиском разрешения последствий установленного неравенства кажутся излишне схоластическими и были бы не нужны, если бы ООФ стала оперировать понятиями системы, или ассамбляжа, или любым другим понятием, где уделяется внимание связям между объектами. Они, однако, необходимы для сохранения заявленного этой философией онтологического эгалитаризма. Тем не менее, если отказаться от придания особого статуса любому классу вещей и заниматься описанием того, на что каждая вещь/система/ассамбляж и т.д. способны или как они уже действовали (для таких систем, как капитализм это более актуально), можно сохранить все, что дает онтологический эгалитаризм и избавиться от необходимости этих спекуляций.

***

Эффект воздействия капитала и консюмеризма на людей Мортон разбирает на примере тоски, которая появляется в конце девятнадцатого века. Одним из первых, кто запечатлел ее, был Бодлер. В «Человеческом роде» тоска предстает как то воздействие на человека нечеловеческого, которое всячески пытаются игнорировать. Другим его проявлением является товарный фетишизм, который в анализе Мортон заставляет людей делать то, чего они не хотят. Здесь он приводит великолепный пример: порицающий товарный фетишизм Адорно, который обожает

онтологически целое меньше, чем сумма его частей (101, 124). Перевод основывается на близости с геологическим термином *subsidence*, обозначающим оседание почвы.

⁸ Именно так преодолевается расширяющийся холизм (*explosive holism* — буквально «взрывчатый холизм»), который Мортон определяет как представление о том, что целое больше суммы его частей. Он заменяется на сворачивающийся холизм (*implosive holism*), что является другим названием для оседания, только в этот раз оно включает в себя игру слов.

коллекционировать пластиковые фигурки динозавров, оказывается сам подвержен фетишизму, который является ничем иным как способностью вещей действовать через нас (166–171). Это и есть один из примеров спектральности, который точнее обозначить не как населенность призраками (*being haunted*), а как одержимость, то есть действия нескольких сущностей через одно тело.⁹ Признание этой одержимости является важным шагом в сторону описываемой Мортонем солидарности. Его способ анализа товарного фетишизма уместен и привлекателен, но решения, которые он предлагает, спорны. Чтобы понять, что не так с его осмыслением капитала, следует обратиться к его теориям солидарности и действия.

Солидарность, вместо которой Мортон предлагает свою теорию, — это та солидарность, для которой нужны усилия, которая устанавливается между группами, например, между рабочими двух стран. Симбиотическое реальное — условие для этой солидарности, но в нем невозможно выделить группы, границы здесь размыты, определить их точно невозможно, а проведение границ неизбежно будет насильственным (24). По этой причине «всякий раз, когда прилагаются усилия, солидарность исчезает» (32), ведь усилия по достижению солидарности не позволяют заметить и оценить ту солидарность, которая всегда уже достигнута. Другая причина для выбора в пользу всегда уже солидарности заключается в том, что всякое производство может быть апроприировано капиталом (61). «Выстраивание связей солидарности — это и есть всегда уже заключенность в общий режим солидарности симбиотического реального» (140). Очарование — основа такой солидарности (144).

Теория действия, ориентированная на механистическое движение, вооруженную борьбу и революцию может быть заменена теорией, ориентированной на создание и поддержание пространств, свободных от капитала и принуждения, а не на обращенные исключительно к индивиду практики. Поиск пространств, где есть место свободе, — одна из основных составляющих анархистской теории и практики. Единственный пример какого-либо движения в этом направлении, который приводит Мортон, — выход небольшого города в Германии из энергетической сети (109). В теоретическом же плане здесь он полагает-

---

⁹ Спектральность в мысли Мортоня не ограничивается этим значением. Например, спектральность используется для характеристики симбиотического реального, в нем она описывает несовпадение каждого объекта с самим собой, буквально его населенность другими объектами. Именно из-за нее и невозможно четко провести границы в симбиотическом реальном.

ся исключительно на чудо, даже если оно описывается языком квантовой механики и обеспечивается техникой: для него новые пространства открываются при выходе в новые измерения, как в фильме Кристофера Нолана «Интерстеллар» (2014). На этом основании разрабатывается теория действий со множеством непроясненных и едва ли уместных отсылок к квантовой механике, что оставляет нас только с надеждой на чудеса.¹⁰

Политическое действие, которое предлагается людям, заключается в настройке на ритм одного из экологических гиперобъектов, например, литосферной плиты (это пример из книги, но, по-видимому, им может быть любая экосистема или географический объект). Предполагается, что достигнуто это будет благодаря танцам (отсюда и эпиграф к этой рецензии), которые позволят нам оценить по заслугам симбиотическое реальное и быть ему благодарным. В переводе с языка оракула это значит, что необходимо признать, что индивиды изначально открыты влиянию того и в значительной степени могут определяться тем, что они предполагают внешним. С этим положением можно согласиться, можно принять и программу Мортон, но очевидно, что здесь не учитываются некоторые следствия из того, что описывается в тексте. Во-первых, люди — не единственные, кто способен настраиваться на другие объекты. Мортон умалчивает, что возможность настроиться (*attune*) на что-то еще предполагает, что люди уже настроены, то есть его программа связана с перенастройкой. Вполне очевидно, что, например, капитализм также может связывать предметы в определенный ритм, и, возможно, он является главным мастером по темперированию на планете; эффект именно этого процесса Мортон обнаруживает вслед за Бодлером в форме уныния.

---

¹⁰ Кроме замечаний об обращении Мортон с наукой, выдвигаемых Натаном Брауном и Питером Вольфендейлом, стоит отметить, что он часто в разных текстах указывает, что наука обладает только «данными» (то есть не абсолютным знанием, а сконструированными фактами) и может оперировать только вероятностями, чего недостаточно для убеждения. Так как вероятность не бывает стопроцентной, науке нужно смириться с таким положением и оставить эти вопросы философам. Мортон игнорирует тот факт, что проблема эта является в большой степени вопросом коммуникации, чем вопросом получения знаний о текущем положении дел. Попытка убрать ученых из решения этого вопроса обрывает возможное содействие между науками о жизни и климате, социальными и гуманитарными науками и философией в формировании политической повестки. Его претензии тем более неуместны, что само знание о существовании такого гиперобъекта, как «глобальное потепление», было бы невозможно без науки и ее методов. Ровно то же происходит в рассматриваемом им фильме, где восхваляемый им прыжок надежды в никуда главного героя не имел бы места без науки и ее достижений.

Среди прочего со-настроенность капитала и людей значит: то, что известно людям, известно так же и капиталу. Именно поэтому осведомленность об экологических последствиях деятельности (*ecological awareness*) сама по себе не может служить основанием для антикапиталистической политики. Хотя капиталу и не нужны люди для поддержания его существования (можно представить себе капитализм вычислительных машин), разрешение экологического кризиса может стать — и все больше становится — для него спасительным. Капитализм либо выработает механизмы поддержания окружающей среды (или симбиотического реального, если угодно), либо уничтожит большую часть жизни (иные исходы — по крайней мере, сейчас — капитализм не видит,¹¹ а два этих уничтожают политический потенциал экологии и осведомленность о ней). Именно поэтому необходимо рассматривать экологический кризис в связи с вопросами распределения власти, неравенства и интересов конкретных групп.

Возможно, солидарность по мысли Мортон должна осесть на досознательный уровень потому, что в его понимании капитализм эксплуатирует всякое обнаруживаемое производство. Мортон ставит задачу выйти на такое производство, которое эксплуатировать невозможно, чем является, по его мнению, наслаждение как производство. Для него наслаждение — это то, чего мы не можем не делать, то есть, например, еда для людей или производство шелка для шелкопрядов. Здесь Мортон обнаруживает солидарность с не-людьми: «Откусить персик — это производство. Производство — это наслаждение, которое получают, кусая персик, нечеловеческое. Производство — это любовь, которая включает в себя солидарность в чистом виде; взять этот персик и откусить его» (57–58). Нет способов объяснить, почему то, чего нельзя не делать, невозможно эксплуатировать. В отношении шелкопрядов, которые являются одним из примеров в том же отрывке, это происходит достаточно давно.

Необходимо отбросить представление о вездесущести апроприации, проводимой капиталом. Далеко не всякое производ-

---

¹¹ Это в определенной степени верно и для Мортон в его разрешении дилеммы катастрофа или устойчивое развитие. Он говорит, что экологическая катастрофа не надвигается на нас, а уже произошла. Цель заключается в том, чтобы избавить читателя от близкого к ПТСР состояния, которое появляется из-за вечного приближения травмы. Мы ожидаем, что столкнемся с ужасным происшествием, но ничего не случается, и эта ситуация повторяется раз за разом. Выйти из нее, по мысли Мортон, можно, признав, что мы уже живем во время катастрофы. Так мы можем начать действовать исходя из определенного положения и после него. Такое признание текущих дел и примирение с ними — черта его письма, носящего терапевтический характер.

ство возможно эксплуатировать. Деятельность вне и против капитализма возможна как создание, поддержание и расширение пространств, на которые капиталистическая логика не распространяется. И хотя Мортон и сводит единственный способ подобных действий к танцам или настройке, можно найти множество других направлений для работы.

***

Осталось прояснить отношение Мортонна к анархизму, на который он активно ссылается и пытается привести во взаимодействие с марксистской мыслью. Едва ли можно назвать впечатляющей его работу с конкретными авторами: Штирнера он только упоминает и вставляет в эпиграфы, у Кропоткина же берет концепцию взаимопомощи, чтобы показать, что солидарность возможна только как действие во благо кому-либо, без выяснения того, кому ты помогаешь. Однако обращение к трудам анархистов в целом плодотворно для Мортонна, оно ориентирует его на более тонкие способы отношения с экологическими средами, которые предполагает повсеместный для анархизма регионализм. Среди прочих последствий отказа от манипуляции классовым сознанием путем утверждения возможности вести всех к победе коммунизма по механистической модели, появляется необходимость более чуткого отношения с теми, кто находится рядом с тобой, с соседями, помимо видовых различий. Это будет предполагать все еще определенную долю насилия (поскольку проведение границ насильственно), но сильно снизит его общее количество и будет способствовать нормализации революции, перестанет делать из нее Великое Событие (173, 176, 179, 186).

Обращение к описанию Кропоткиным взаимопомощи является для Мортонна основанием для излишней генерализации. Опираясь на хрестоматийный пример Кропоткина — во время пожара жители сразу бросаются помогать, а не пытаются сначала установить, чей дом горит, — Мортон предполагает, что признания всегда-уже существующей солидарности с не-людьми будет достаточно, чтобы разрешить экологический кризис. Тем не менее на этом основании нельзя исключить другие виды солидарности (хотя, например, солидарность через весь земной шар с каким-либо животным явно слишком абстрактна). Такая всегда-уже-солидарность не может помочь разрешить проблемы, существующие на местных уровнях, здесь не обойтись без какой-либо организации, даже если Мортон считает, что она уничтожит солидарность.

Мортону удается воспроизвести некоторые важные для современной экологической мысли топосы. Можно было бы восстановить, откуда он их берет, но это заняло бы слишком много места и было бы, по большому счету, бесполезно. Кроме того, эти источники следовало бы указать ему самому, поскольку такое умолчание выглядит умышленным плагиатом. Главной слабостью проекта Мортон в философском плане остается отказ от учета в онтологии связей между объектами и возвращение этих связей в виде теории гиперобъектов. Исключение науки в этой философии нельзя принять, поскольку наука, несмотря на ее возможные тенденции к исключению или тоталитарному насаждению мер, остается важным источником знаний о текущем положении дел. Этика и политическая программа в такой онтологии тяготеют к мистицизму. Хотя мортоновская онтология и позволяет помыслить возможные способы действия тотальных сущностей, например, человечества, эти действия всегда затуманены, и становится невозможно описать действия и интересы более мелких структур (того, что можно условно обозначить как классы). Философия, ориентированная на экологию, должна включать способы взаимодействия с наукой на равных, а также быть способной описывать особенности отношения людей между собой и людей с окружающей средой.

Библиография

- Дескола, Ф. (2012). *По ту сторону природы и культуры*. М.: Новое литературное обозрение.
- Маркс, К. (1951). *Критика готской программы*. Л.: Государственное издательство политической литературы.
- Мортон, Т. (2019а) [2013]. *Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира*. Пермь: Гиле Пресс.
- Мортон, Т. (2019б) [2018]. *Стать экологичным*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Хайнрих, М. (2019). «Капиталу» 150 лет — и это не конец. Бессистемные примечания к бесконечной истории. *Логос*, 29 (6): 23–46.
- Bennett, J. (2015). Systems and things: On vital materialism and object-oriented philosophy. *The nonhuman turn*, 223–239.
- Brown, N. (2013). The Nadir of OOO: From Graham Harman's Tool-Being to Timothy Morton's Realist Magic: Objects, ontology, causality. *Parrhesia* 17: 62–71.
- Laure, M. (2012). The Ecological Thought. *Journal of Applied Philosophy* 29 (4): 378–379.
- Moore, J. (2015). *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*. Verso Books.
- Morton, T. (2010). *The Ecological Thought*. Harvard University Press.
- Saito K. (2014). Marx' Fraas-Exzerpt und der neue Horizont des Stoffwechsels *Marx-Engels-Jahrbuch* 2014: 117–140.
- Wolfendale, P. (2014). *Object Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes*. Lulu Press.